

7. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

8. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

9. Современный русский язык: практ. пособие / Е. В. Бегаева [и др.]. – М.: Экзамен, 2005. – 228 с.

The article discusses verbal neophrasemes in terms of their lexical-grammatical and structural peculiarities. It is shown that most neophrasemes have a full grammatical paradigm and the realization of categories of tense, aspect, mood, person is dependent on their semantic properties. The research findings identify the most widespread structural type of verbal neophrasemes, which is a combination of a transitive verb and a noun in the accusative case.

Поступила в редакцию 22.01.2020

О. Н. Жизневская

ОТРАЖЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ ОТЦА В СМИ БЕЛАРУСИ

В статье анализируются структурно-грамматические (словообразовательные возможности, сочетаемость) и семантические (явления смыслового сближения и противопоставления) особенности номинаций, репрезентирующих стереотип отца в средствах массовой информации Беларуси. Выявляются новые (относительно традиционных, кодифицированных в языке) характеристики в профиле стереотипа, а также экстралингвистические факторы, влияющие на его обновление.

Преобразования, которые произошли и продолжают происходить в белорусском обществе, привели к переосмыслению отцовства и роли отца в жизни семьи и ребенка, что находит отражение в первую очередь в СМИ. Перераспределение традиционных семейных ролей, развитие вспомогательных репродуктивных технологий, появление института замещающей семьи – эти и другие факторы оказали существенное влияние на изменения традиционного стереотипа отца.

Уточним, что под стереотипом (языковым стереотипом), вслед за польским лингвистом Е. Бартминьским, мы понимаем представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как выглядит, действует, как воспринимается человеком. Это представление воплощается личностью в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире. Языковой стереотип и языковая картина мира соотносятся как часть и целое [1]. Так, профиль (образ, портрет) традиционного стереотипа отца в белорусской языковой картине мира, реконструированный на основе лексикографических данных (этимология слова; словарные дефиниции; словообразовательные и семантические дериваты и метафоры; фразеологизмы; пословицы;

народные сравнения), представляет собой совокупность биологического, социального и социально-психологического, психологического и морально-нравственного аспектов. Профиль стереотипа отца состоит из 7 фасет, включающих 31 характеристику. Биологический аспект – «пол»: лицо мужского пола; «рождение ребенка»: передает генетический материал ребенку; передает ребенку (чаще сыну) свои черты. Социальный и социально-психологический аспект – «положение в группе»: занимает главную позицию в группе; пользуется авторитетом; добытчик и кормилец; защитник; главный советчик и «высший дисциплинатор»; «действия и чувства отца по отношению к ребенку»: воспитывает ребенка; преимущество функции воспитания над рождением; заботится о материальном обеспечении ребенка; бьет и наказывает ребенка для его блага; любит ребенка; имеет менее тесную эмоциональную связь с ребенком, чем мать; «действия и чувства ребенка по отношению к отцу»: играет важную роль в жизни ребенка; к отцу относятся сердечно, любят; его уважают; им гордятся; им дорожат; ему подражают; ему подчиняются; о нем заботятся; особое отношение к тому, что достается от отца. Психологический и морально-нравственный аспект – «интеллектуальная характеристика»: мудрый; «особенности характера и поведения, нравственные качества»: строгий; требовательный; суровый; сдержан в чувствах; заботливый; ласковый; добрый. Стереотип характеризуется позитивной оценкой, в паремиях отмечается сакрализация образа отца [2].

Цель данной статьи – выявить на материале русско- и белорусскоязычных текстов средств массовой информации Беларуси новые характеристики в составе языкового стереотипа отца относительно традиционных, кодифицированных в белорусском языке. Эмпирической базой послужили публикации на семейную тематику, относящиеся к периоду 2003–2019 гг., в газетах «СБ. Беларусь сегодня», «Комсомольская правда в Беларуси», «Звезда», «Наша Ніва», «Народная газета», «Рэгіянальная газета», «Рэспубліка», а также на интернет-порталах TUT.BY, Mamochki.by, Rebenok.by. Из 1 730 текстов СМИ было извлечено 244 номинации, репрезентирующие стереотип отца (русскоязычных – 166, белорусскоязычных – 58).

Анализ структурно-грамматических (словообразовательные возможности, сочетаемость) и семантических (явления смыслового сближения и противопоставления) особенностей номинаций, репрезентирующих стереотип отца в СМИ, позволил выявить новые характеристики в исследуемом стереотипе.

С точки зрения структуры данные номинации представляют собой однословные (*слінгопана, донар*), двухсловные и многословные именованные (*пана отложеного действия, «заказаны» на некалькі гадзін «бацька*»). Доминирующими в количественном отношении (76 % русскоязычных и 71 % белорусскоязычных) являются двухсловные номинации (*фактыцыйскі отец, «пазашлюбны» тата*). Преобладание данного типа номинаций отца в текстах СМИ свидетельствует о том, что категоризация становится все более тонкой,

в результате чего требуется детализация, конкретизация, уточнение, пояснение базового имени (*отец/бацька*), на основе которого возникают атрибутивные сочетания.

В текстах СМИ наблюдается расширение типовой сочетаемости лексем *отец, папа/бацька, тата*, что подтверждает появление новых характеристик в современном стереотипе отца. Большая часть исследуемых единиц – двухсловные атрибутивные словосочетания, которые представлены следующими конструкциями: 1) «прилагательное + существительное» (56 % от общего числа русскоязычных бивербов и 54 % от общего количества белорусскоязычных бивербов): *анонимный «отец», «беременный папа»; канапны тата* и др.; 2) «существительное + существительное (приложение)» (28 и 27 % соответственно): *«кукушонок-папа», отец-одиночка; тата-мама* и др.; 3) «существительное + предлог + существительное» (5,5 и 13 %): *папа в декрете, отец по принуждению; бацька па выкліку* и др.

Таким образом, в количественном отношении доминируют двухсловные атрибутивные сочетания, построенные в большинстве случаев по моделям «прилагательное + существительное», «существительное + существительное (приложение)» и обладающие большим потенциалом для выражения новых характеристик в исследуемом стереотипе.

Атрибутивные словосочетания, выявленные в СМИ, свидетельствуют как о расширении, дополнении в ряду уже существующих в стереотипе характеристик, так и о появлении новых, не зафиксированных ранее. В исследуемых контекстах согласованные и несогласованные определения описывают отца с разных сторон и содержат характеристики, которые могут быть распределены по трем основным аспектам.

I. Биологический аспект: 1) биологическая функция: *генетический / генетычны*; 2) способ зачатия ребенка: *«пробирочный» папа, «суррогатный» отец, анонимный «отец»*; 3) возраст: *зрелый, поздний, несовершеннолетний*; 4) наличие пагубных привычек и пристрастий: *отец-алкоголик / бацька-алкаголік, отец-наркоман / бацька-наркаман*; 5) гендерная самоидентификация: *«папа»-транссексуал*.

II. Социальный и социально-психологический аспект: 1) социальная функция: *родитель-воспитатель / бацька-выхавальнік, приемный отец / прыёмны бацька*; 2) исполнение отцовских обязанностей: *формальный отец, нерадивый отец, недисциплинированный отец, сбежавший отец, папа-«кукушка», отец по принуждению, папа-супергерой*; 3) опыт: *опытный, бывалый, начинающий*; 4) количество детей: *многодетный отец / шматдзетны бацька, малодетный отец*; 5) отношение ко времени: *«воскресный» папа / «нядзельны тата», папа навсегда; тата на гадзіну*; 6) функция, назначение: *функциональный отец, «папа-банкомат»*; 7) наличие правонарушений: *отец-уклонист, папа-педофил / бацька-педафіл*; 8) правовые отношения с матерью ребенка: *разведенный отец, отец-одиночка / бацька-адзіночка*; 9) правовые отношения с ребенком: *юридический отец, фактический отец, внебрачный папа / «пазашлюбны» тата, «ложный» отец*; 10) заслуги перед обществом: *отец-герой*.

III. Психологический и морально-нравственный аспект: особенности характера и поведения, нравственные качества: *авторитарный отец, папа-диктатор, «папа-мама» / тата-мама, незрелый папа, мягкий отец.*

В медиатекстах зафиксировано большое число новообразований с компонентами *отец / бацька* и *папа / тата*, свидетельствующих о расширении содержания стереотипа отца. Большая часть из них – существительные, образованные путем сложения (*слингопапа, горе-папа, бизнес-папа / бизнес-тата* и др.); единичные номинации образованы путем аббревиации (*инста-папа*), контаминации (*манулечка*). Интересной с точки зрения словообразования является номинация отца, который много работает и постоянно занят – «*папа-который-всегда-работает*». Она образована способом сращения (слияния) на базе предложения.

Высокой продуктивностью при образовании номинаций отца в текстах СМИ характеризуются приставки со следующими значениями: 1) противоположности, отрицания: *неотец*; 2) неполноты признака по сравнению с нормой: *недоотец*; 3) неистинности, ложности: *псевдоотец*; 4) высокой степени того, что названо производящей основой: *суперпапа*.

Показательно, что при наименовании отца более активны префиксы, выражающие негативное значение, что, с одной стороны, актуализирует новые – негативные – смыслы в стереотипе современного отца, с другой – свидетельствует об устойчивости традиционных представлений об отце. Так, употребление синонимичных лексем *неотец, псевдоотец* в значении ‘человек, который уклоняется от исполнения отцовских обязанностей’, а также слова *недоотец* в значении ‘отец, который не принимает активного участия в воспитании ребенка’ подразумевает, что отец (настоящий отец) не ведет себя подобным образом по отношению к собственному ребенку.

Среди номинаций отца в исследуемом материале выявлено большое число сходных по смыслу. Приведем самые многочисленные синонимические ряды.

1. Номинации отца, уклоняющегося от уплаты алиментов: *отец-алиментщик, недисциплинированный отец, отец-уклонист, папаша-беглец, папа с долговым хвостом, «мастер» алиментного жанра / бацька-аліментшычк, аліментшычк, злосны аліментшычк, аліментшычк са ста-жам* и др. Увеличение числа разводов в современном белорусском обществе, недобросовестное отношение отцов к исполнению своих родительских обязанностей, в том числе и после развода с матерью ребенка, обусловило появление новой характеристики – «уклоняется от уплаты алиментов на ребенка».

2. Номинации мужчины, сдающего свою семенную жидкость за денежное вознаграждение для использования ее впоследствии в репродуктивных целях: *донор половых клеток, донор генетического материала, анонимный отец, «пробирочный» папа / донор палавых клетак, донор сперматазоідаў, ананімны донар* и др. Появление данных выражений свидетельствует об

уточнении и дополнении традиционной биологической характеристики отца «передает генетический материал ребенку» – «анонимно передает генетический материал ребенку на платной основе».

3. Номинации отца, находящегося в декретном отпуске: *отец в декретном отпуске, папа в декрете, «декретный папа», отец-нянька, «усатый нянь», усатый мам, «мама» / бацька ў дэкрэтным адпачынку, тата ў «дзіцячым адпачынку», «вусаты нянь»* и др. Возможность нахождения отца в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, закрепленная законодательно, привела к актуализации характеристик «выполняет функции матери», «находится в отпуске по уходу за ребенком» и «находится на иждивении государства и матери ребенка». Появление указанных характеристик противоречит традиционным представлениям об отце как главном добытчике и кормильце в семье.

4. Номинации отца-одиночки: *одинокій отец, невоскресный папа, мапулечка / бацька-адзіночка, тата-адзіночка, адзінокі тата* и др. Появление института одинокого отцовства и его динамика обусловили новую характеристику в стереотипе отца – «воспитывает ребенка без жены (матери ребенка)». Отметим, что в русскоязычных и белорусскоязычных лексикографических источниках [3; 4] зафиксированы лишь слова *мать-одиночка / маці-адзіночка*, в то время как номинации *отец-одиночка / бацька-адзіночка* словарной фиксации не получили.

5. Номинации отца, который присутствует в семье формально, но отсутствует эмоционально, не принимая участия в воспитании ребенка: *формальный отец, «холодный» отец, папа в эпизодах, отец-белорубашечник, «недоотец» / кананны тата, «няправільны» бацька, «нядзельны тата».*

6. Номинации отца, который занят исключительно материальным обеспечением семьи: *занятой отец, узкопрофильный отец, «папа-банкомат», «папа-который-всегда-работает»* и др. Отстраненность некоторых отцов от воспитательного процесса привела к появлению таких характеристик, как «испытывает эмоциональное отчуждение к ребенку», «равнодушный», «холодный».

7. Номинации отца-кукушки, который «отстраняется от воспитания ребенка», «уклоняется от материального обеспечения ребенка»: *папа-«кукушка», «кукушонок-папа», сбежавший отец, папа-«перекати-поле», папа отложенного действия* и др. Примечательно, что метафорическая номинация *кукушка (зязюля)* традиционно относится к матери, однако наш фактический материал показывает, что в текстах СМИ она применима и к отцу.

Использование достаточно большого числа номинаций для обозначения одного и того же лица свидетельствует об особой актуальности явлений, которые стоят за данными дискурсивными единицами, что ведет к актуализации соответствующих характеристик в стереотипе современного отца.

Среди номинаций отца в эмпирической базе выявлено большое число противоположных по смыслу. Так, по признаку «родной – неродной» в кон-

тексте СМИ номинациям *биологический отец*, *официальный папа*, *первый папа*, *«старый папа»*, *«бывший папа»*, *«прошлый папа»* / *біялагічны бацька* противопоставлены:

1) *приемный родитель*, *приемный отец*, *приемный отец-одиночка*, *профессиональный папа*, *новый папа* в значении ‘приемный родитель’, *папа навсегда* / *прыёмны бацька*;

2) *родитель-воспитатель*, *SOS-папа*, *новый папа* в значении ‘родитель-воспитатель’ / *бацька-выхавальнік*, *SOS-тата*;

3) *отчим*, *«второй» папа*, *новый папа* в значении ‘отчим’ / *айчым*, *сацыяльны бацька*.

Противопоставленными по признаку «уделяет время воспитанию ребенка – не уделяет времени воспитанию ребенка» в СМИ оказываются выражения *современный отец*, *отец широкого профиля*, *папа-супергерой*, *Папа с большой буквы* и следующие ряды синонимичных номинаций:

1) *функциональный отец*, *занятой отец*, *деловой папа*, *узко-профильный отец*, *отец-бизнесмен*, *«папа-банкомат»*, *«папа-который-всегда-работает»*;

2) *отсутствующий отец*, *формальный отец*, *отчужденный отец*, *«холодный» отец*, *папа в эпизодах*, *отец-белорубашечник*, *папаша-лежебока*, *«недоотец»*.

По этому же признаку противопоставлены следующие белорусскоязычные номинации: *канапны тата*, *«няправільны» бацька*, *«нядзельны тата»* – *ідэальны бацька*, *Тата з вялікай літары*.

Противопоставление репрезентантов стереотипа отца в СМИ происходит также по следующим признакам:

1) «опытность – неопытность»: *опытный отец*, *бывалый отец* – *начинающий отец*, *новоиспеченный отец*, *молодой отец*;

2) «совершенный – несовершенный»: *идеальный отец* – *несовершенный папа*;

3) «имеет много детей – имеет мало детей»: *многодетный отец* – *малодетный отец*;

4) «традиционный – современный»: *традиционный отец* – *современный отец*.

Проведенный анализ свидетельствует об обновлении биологического, социального и социально-психологического, психологического и морально-нравственного аспектов стереотипа отца, что связано, в первую очередь, с экстралингвистическими факторами. Развитие биомедицинских технологий, в частности вспомогательных репродуктивных технологий, призванных решить проблему бесплодия, создание собственных банков спермы в Беларуси, возможность прибегнуть к услугам анонимного донора спермы – все это привело к необходимости уточнения и дополнения традиционной биологической характеристики отца «передает генетический материал ребенку» – «передает генетический материал ребенку в процессе зачатия естественным путем» (*биологический отец* / *біялагічны бацька*), «передает генетический

материал ребенку в процессе зачатия искусственным путем» (*генетический отец / генетичны бацька*), «анонимно передает генетический материал ребенку на платной основе» (*донор половых клеток / донор плазменных клеток*). Как видим, биологическая функция современного отца «передача генетического материала ребенку» требует уточнения: а) способ зачатия (естественным или искусственным путем); б) открыто или анонимно; в) безвозмездно или на платной основе.

Перераспределение традиционных семейных ролей, обусловленное ростом активности женщины и изменением ее статуса в современном обществе, привело к тому, что традиционная характеристика отца «добытчик и кормилец» может относиться не только к мужчине (*отец-добытчик, «папа-банкомат»*), но и к женщине (*мать-бизнесмен*). В том случае, когда женщина выступает в роли добытчика и кормильца в семье, мужчина может выполнять функции женщины-матери (*отец в декретном отпуске / бацька ў дэкрэтным адпачынку*). Традиционная характеристика отца «воспитывает ребенка» в СМИ дополняется новыми: «воспитывает ребенка без жены» (*отец-одиночка / бацька-адзіночка*), «отстраняется от воспитания ребенка» (*«отсутствующий отец», кананны тата*), «не имеет права воспитывать» (*анонимный «отец»*), «воспитывает ребенка на профессиональной основе» (*приемный отец*). Появление новых характеристик отца, связанных с выполнением воспитательной функции, обусловлено необходимостью уточнить, как именно осуществляется данная функция: а) совместно с женой (матерью ребенка) или без нее; б) активно или пассивно; в) открыто или анонимно; г) на безвозмездной или на платной основе. СМИ фиксируют появление характеристики отца, противоположной традиционной «заботится о материальном обеспечении ребенка» – «уклоняется от материального обеспечения ребенка» (*отец-уклонист, злосны аліментчык*), что связано с безответственным отношением некоторых отцов к исполнению своих родительских обязанностей. Характеристика отца «бьет и наказывает ребенка для его блага», зафиксированная в паремиологии, в СМИ трансформируется в следующую: «избивает ребенка; проявляет агрессию» (*отец-монстр*), «совершает насилие в отношении ребенка» (*отец-насильник / бацька-гвалтаўнік*), что свидетельствуют о превышении отцовских полномочий, нарушении закона.

В лексикографических источниках отец характеризуется как человек, который «любит ребенка», однако «имеет менее тесную эмоциональную связь с ребенком, чем мать». В СМИ, наряду с приведенными характеристиками, фиксируются и иные проявления отцовских чувств – «имеет тесную эмоциональную связь с ребенком» (*«папа-мама» / тата-мама*), «испытывает эмоциональное отчуждение к ребенку» (*«холодный» отец*).

Традиционные характеристики отца с точки зрения психологических и морально-нравственных проявлений (*внимательный, строгий, требовательный, суровый, сдержан в чувствах* и др.) выявляются и в текстах СМИ. Наряду с приведенными, для стереотипа современного отца релевантными

становятся такие негативные характеристики, как «равнодушие», «отчужденность», «черствость» (*отстраненный отец*), «авторитарность» (*авторитарный отец*), «незрелость» (*незрелый папа*), «ненадежность» («*ни рыба ни мясо*»), «чрезмерная мягкость» (*мягкий отец*).

Таким образом, проведенное исследование показало, что профиль стереотипа отца, составленный на основе медиатекстов, по сравнению с профилем, реконструированным на базе лексикографических источников, дополнился и детализировался актуальными характеристиками биологического, социального и социально-психологического, психологического и морально-нравственного аспектов (всего 30). Это свидетельствует об усложнении и расширении стереотипа отца под влиянием экстралингвистических факторов. Большая представленность негативно-оценочных единиц и, соответственно, характеристик свидетельствует, с одной стороны, о тенденции к десакрализации образа отца не только в современных медиатекстах, но и в обществе в целом, с другой стороны – демонстрирует то, что традиционные представления об отце по-прежнему значимы и являются ориентирами для современных белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартминьский, Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. / Е. Бартминьский ; вступ. ст. С. М. Толстой. – М. : Индрик, 2005. – 527 с.
2. *Жызнеўская, В.* Традыцыйны стэрэатып бацькі ў беларускай моўнай карціне свету / В. Жызнеўская // Роднае слова. – № 6. – 2019. – С. 30–32.
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1998. – 939 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2016. – 967 с.

The analysis of structural-grammatical and semantic features of the nominations that represent the stereotype of the Father in the Belarusian mass media made it possible to conclude that the modern profile of the stereotype (compared with the traditional one) has significantly increased due to the new, relevant characteristics, which indicate a more complicated, expanded, detailed stereotype of the Father influenced by extralinguistic factors.

Поступила в редакцию 30.01.2020